

К возобновлению "Грозы" А. Н. Островского на сцене Александрийского театра¹

Речь режиссера к актерам

Драма А. Н. Островского "Гроза" в русской критике

Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Сухих И. Н.-- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.-- 336 с.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Посвящается Е. Н. Рожиной-Инсаровой²

Господа!

Обходя с большою осторожностью рифы публицистической критики, я отыскивал для вас те строки о "Грозе" первого спектакля, которые помогли бы вам почувствовать тон тогдашней игры, подарившей Островскому успех в вечер 2 декабря 1859 года.³ Не для того, чтобы вы рабски подражали приемам игры актеров того времени, приглашаю я вас вместе со мною перелистать забытые страницы "общественных разъяснителей" того времени. Мне хочется, чтобы описания и критика последних могли помочь вам вызвать своего рода видение того спектакля. Может быть, оно создаст в процессе ваших творческих исканий своеобразное построение сравнений того, что хотели изобразить тогдашние актеры, с тем, что возникает в вашей фантазии.

Аполлон Григорьев {В этой речи, везде, где я цитирую Аполлона Григорьева, я привожу места: 1) из его писем к И. С. Тургеневу "После "Грозы" Островского" и 2) из его статьи "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене".} отметил, что на первом представлении "Грозы" в Петербурге была налицо *"неизбежная (хотя и значительно меньшая против обыкновения) фальшь, пугающая резкость Александрийского выполнения"*.

Эти строки обязывают вас, господа, быть настороже. Мало кому известный в то время, но давший весьма верную оценку "Грозы", "Театральный и музыкальный вестник" {6 декабря 1859, № 48.} пишет: "г-жа Левкеева (Варвара) и г. Горбунов (Кудряш) исполнили свои роли необыкновенно колоритно, с *малейшими оттенками народности"*.⁴

Не будь у нас сведения о "пугающей резкости Александрийского выполнения", мы бы все равно натолкнулись (в том же "Театральном и музыкальном вестнике") на предостерегающую оговорку такого содержания: "...в роли г-жи Левкеевой мы находим одну общую неверность: она изобразила, по внешности, *женщину градусом ниже положения дочери богатой купчихи*, нравственный же характер удержан был верно".

Вас, господа, удивляет, почему свое обращение к вам я начал с такого эпизодического момента из "Грозы", как любовное объяснение Варвары и Кудряша во второй картине третьего действия. Но это станет понятным после, когда я вместе с вами разберусь в некоторых догадках относительно этой картины (именно этой), вызвавшей взрыв восторга в тогдашнем зрительном зале.

Горбунова, составившего себе, в конце концов, славу замечательного рассказчика и сочинителя маленьких бытовых сценок, я решаюсь взять под подозрение в качестве исполнителя роли Кудряша. Мне хочется угадать: владел ли этот актер языком Островского так, как владела и владеет им до сего времени в совершенстве О. О. Садовская?⁶ (Вы можете и теперь еще проверить -- сколь образцово разговорное мастерство этой замечательной артистки.) И не обращал ли Горбунов язык Островского в тот *"нейзанский жаргон"*,⁶ за который преследовала Островского тогдашняя критика и в котором так виртуозен был Горбунов в сценках собственного сочинения?

Язык Островского тем труден, что он звучит со сцены нестерпимым для слуха жаргоном в том случае, когда актер начинает отыскивать и подносить с особенными подчеркиваниями отдельные диковинные выражения и чудные словечки, совершенно не пытаясь овладеть строем драматурга в целом и совсем не умея синтетически собирать слова в своеобразную прозаическую мелодию.